

инстанциях, причем и по вопросам законности, и обоснованности, и справедливости в интересах исключительно особой «советской» законности;

— в принципе необъяснимой формы надзорной проверки, призванной еще раз проверить (неоднократно проверенный в апелляции и кассации) акт *res judicata*, ибо Президиуму Верховного Суда Российской Федерации, видимо, просто больше нечем заняться в гражданском обществе и правовом государстве; и т. д.

Когда-то один из профессоров, у которого автор также учился, констатировал: «Настоящая наука начинается там и тогда, где она берет на себя смелость сказать “нет” власти». От себя добавим: «нет» принудительному диктату и лицемерной исследовательской лжи о сущем и должном в праве; «нет» сочинению общеобязательных симулякров, посредством которых белое следует именовать черным, а черное — белым. «Нет» — в обязательном наукообразном описании и восхвалении того, чего в принципе нет ни в обществе, ни в умах. «Нет» тому же в процессе обучения и воспитания, пришедших в науку исследователей, а не в некое подобие иезуитского ордена, отчего-то веками возглавляемого исключительно генералами; видимо, более понимающими толк в необъявленной и все еще незаконченной ментальной войне за умы и души.

От науки требуют принципиальных, честных, обоснованных и актуальных ответов на вызовы, а кто из названных выше подгрупп, решившись «на подвиг», сможет именно так их сформировать и представить, когда правила и последствия этой интересной «игры» известны и широко апробированы на конкретных, весьма известных примерах. Роль «сельского сумасшедшего» или однозначно опасного для национального суверенитета, интереса и национальной безопасности «иноагента» вряд ли устроит представителя любой из названных выше подгрупп. Помнится, нам публично и долго акцентировали, что именно «бытие» определяет сознание. Отсюда — итоговый результат принудительно спущенного «сверху» научного заказа относительно актуального ответа на вызовы, скорее, будет соответствовать изначально навязанным и строго контролируемым правилам, чем подлинным запросам и вызовам государства и общества. Иного система не примет, пока ее не заставят принять, ибо известная формула «верхи не хотят, низы не могут», как свидетельствует объективный исторический опыт, решается либо непосредственно властью, либо давно известными средствами.

**Кодан Сергей Владимирович,**  
доктор юридических наук, профессор,  
заслуженный юрист Российской Федерации,  
главный научный сотрудник  
управления научных исследований,  
профессор кафедры теории государства и права  
Уральского государственного юридического  
университета имени В. Ф. Яковлева,  
член экспертного совета по праву и политологии,  
Высшей аттестационной комиссии  
при Министерстве науки и высшего образования  
Российской Федерации

### **Междисциплинарный вектор исследований в современной юридической науке: исторические контексты и современные проблемы**

Утверждение в 2021 году приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (далее — Минобрнауки России) новой номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени», затем и введение в действие Высшей аттестационной комиссией (далее — ВАК) при указанном Министерстве паспортов научных специальностей выделили область науки — «Социальные и гуманитарные науки» с обозначением в ней направления научной аттестации и позиционировали в пять объединенных научных специальностей с вошедшими в них отдельными юридическими дисциплинами. Это отразило современные тенденции в развитии научного знания, поскольку «современная наука разрушила условности и границы». Актуальные научные исследования, как правило, связаны с решением научных задач одновременно по нескольким направлениям.

По мнению А. В. Гобова и И. М. Мацкевича, совершенствование классификации наук нацеливают на то, чтобы «предельно точно показывать генеральные направления развития науки, чутко отзываясь на потребности науки с учетом мировых тенденций и практических задач современности»<sup>1</sup>.

Заметим, что само развитие дисциплинарности и междисциплинарности в юриспруденции является проблемным пространством. Это в тех или иных контекстах обсуждалось на Всероссийском координационном совещании руководителей диссертационных советов по праву и политологии, проходившем 25 апреля 2023 года в Московском государственном юридическом университете имени О. Е. Кутафина по инициативе Департамента аттестации научных и научно-педагогических работников, председателя и экспертного совета по праву и политологии ВАК при Минобрнауки России<sup>2</sup>. На нем особенно рельефно эту проблему обозначил эксперт ВАК доктор юридических наук, профессор В. А. Корнев в докладе «Междисциплинарность в юридических исследованиях»<sup>3</sup>. При этом проблемы междисциплинарности требуют решения ряда задач на пути продуктивного использования потенциала взаимодействия наук в развитии не только юридической науки, но социогуманитаристики в целом. На основных проблемах остановлюсь в тезисном их обозначении.

**Дисциплинарность и междисциплинарность как исследовательское пространство в науке** опираются на историю формирования и становления научных дисциплин и современное понимание этих явлений в философии науки и науковедении. Здесь важно учитывать те отправные положения, которые позволяют непосредственно перейти к проблематике междисциплинарности в современной юридической науке.

*История возникновения дисциплинарности в науке отражает процессы формирования, развития и становления организации научного знания и отделения его от смежных сфер жизнедеятельности общества. На античной и ранней классической стадиях научное знание носило додисциплинарный характер. По мере выделения науки в особую сферу жизни и культуры социума во второй половине XVII–XVIII века вместе с возникновением и развитием в средневековой Европе университетов и становлением научной профессии начинается процесс обособления наук. В конце XVIII–XIX века с дифференциацией и специализацией областей знания наука переходит к своей дисциплинарной организации. Во второй трети XIX века начинает формироваться и осознание необходимости в обеспечении взаимосвязей между науками. К началу XX века идея связи наук стала господствующей в научной деятельности.*

К концу первой половины XX века в научном сообществе стало аксиоматичным мнение, что «прогресс науки выступает как осуществление внутреннего единства противоположных тенденций — дифференциации и интеграции научных знаний, причем каждая из этих тенденций оказывается лишь одной из сторон единого процесса развития научного познания»<sup>4</sup>. Соответственно, в отечественной и зарубежной философии науки и науковедении во второй половине 1960–1980 годов активно изучаются и обсуждаются проблемы дисциплинарной организации науки, а затем и проблемы междисциплинарности, которые становятся наиболее актуальными в последнюю треть XX — начале XXI века.

*Понимание дисциплинарности в науке* (от лат. *disciplina* — «учение») в общепhilosophическом и науковедческом планах рассматривается как «совокупность процессов и результатов организации, структуризации, социализации, институционализации теоретических знаниевых практик как предуготовляющих нормированный, санкционированный и легитимный порядок мышления и вытекающих из этого порядка действий (деятельности) в конкретных предметно-проблемных областях (отраслях) познания». Такое определение дают данному явлению В. Л. Абушенко и В. Л. Кацук<sup>5</sup>. Это понятие отражает всю сложность и многоаспектность этого явления. Важно учитывать, что общее видение дисциплинарности подразумевает «определенное предметное поле, методы научной работы, исследовательские процедуры, систему референции, специфический способ мышления и язык описания, собственную институциональную структуру, сообщество практикующих ученых, особые

<sup>1</sup> Габов А. В., Мацкевич И. М. Номенклатура научных специальностей как элемент государственной системы научной аттестации: к постановке вопроса // Мониторинг правоприменения. 2020. № 2. С. 26.

<sup>2</sup> Шенгелия Г. А. О всероссийском координационном совещании руководителей диссертационных советов по праву и политологии // Юридическое образование и наука. 2023. № 6. С. 22–24.

<sup>3</sup> Корнев А. В. Междисциплинарность в юридических исследованиях // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 26–33.

<sup>4</sup> Кедров Б. М. Классификация наук: в 2 кн. Кн. 1. Москва, 1961. С. 14.

<sup>5</sup> Абушенко В. Л., Кацук Н. Л. Дисциплинарность // Социология. Энциклопедия. Минск, 2003. С. 291.

формы дискурса, нормы и правила профессиональной деятельности, типы личности»<sup>1</sup>. При этом *научная дисциплина* с точки зрения ее понимания рассматривается в качестве основной аналитической единицы организации исследований и структурирования науки как «базовая форма организации профессиональной науки, объединяющая на предметно-содержательном основании области научного знания, сообщество, занятое его производством, обработкой и трансляцией, а также механизмы развития и воспроизводства соответствующей отрасли науки как профессии»<sup>2</sup>.

*Междисциплинарность в науке* начала складываться во второй половине XX столетия, хотя ее истоки в той или иной мере присутствовали и на ранних стадиях развития наук, изучающих общественные процессы. При сохранении и развитии дисциплинарных исследований все большее значение начинает приобретать междисциплинарность — вовлечение в конкретные исследовательские практики знаний других наук и проведение их с привлечением ученых из различных областей знания. В итоге в современном пространстве истории науки сложилось понимание и пласт исследований, который проблематизирует широкий круг вопросов, связанных с развитием дисциплинарности и междисциплинарности в различных ее исторических аспектах с выходом на их общие черты, характерные для развития науки в различные эпохи, и с проекцией на современное состояние дисциплинарного построения и междисциплинарных взаимодействий в сфере научного знания с выделением их парадигмальных оснований.

В современных условиях междисциплинарность выступает в научной деятельности как «интеграция, кооперация, взаимодействие и взаимодополнение подходов, методов и практик, развитых в отдельных научных областях. Междисциплинарность стала существенной для получения нового научного знания, а также для эволюции традиционных научных дисциплин и изменения контуров их конфигурации.

Междисциплинарность рассматривается и как форма организации научного знания и научной деятельности, и как процесс или тренд развития науки, и как стиль мышления ученых, и как методология исследований. Междисциплинарные исследования являются интегративными, продуктивными, креативными и наиболее востребованными современными научными институтами», так характеризует явление Е. Н. Князева<sup>3</sup>. Междисциплинарность в научной деятельности обусловлена сложностью и многоаспектностью объектов / предметов научных исследовательских практик и их направленностью на изучение различных и тесно связанных между собой явлений социума, и, соответственно, «структуры общества не поддаются точной расфасовке по дисциплинам. Почти все конкретные социальные явления, ситуации и институты вплетены в бесшовную ткань экономических, политических, социальных и культурных аспектов. Чтобы понять контексты, мы вынуждены быть междисциплинарными», констатирует Н. Смелзер<sup>4</sup>.

*Дисциплинарность и междисциплинарность в юриспруденции* появляются в русле общих процессов развития науки и уходят истоками к выделению сферы изучения политики, государства и права к мыслителями Древней Греции. Начало формированию юриспруденции как отдельного направления в жизнедеятельности общества было положено в Древнем Риме. Именно здесь начинает закладываться триада взаимодействующих и взаимосвязанных ее содержание факторов развития — практического освоения права, подготовки юристов для практической деятельности и в итоге создания основ юридической науки.

В Средние века с развитием подготовки юристов и возникновением университетов юридическое образование начинает дисциплинарно оформляться, что во многом было связано с рецепцией римского права, выходом на научное изучение государства и права для их осмысления, созданием учебных курсов, подготовкой студентов к практической деятельности и т. п. При этом необходимо подчеркнуть, что если дисциплинарность в науке в целом формируется на основе дифференциации предметов преподавания в университетах и определения предметов отдельных научных дисциплин, то в юриспруденции четко просматривается изначальная корреляция направлений развития государственного управления и сфер правового регулирования с формированием юридических наук и оформлением соответствующих учебных и научных дисциплин. Одновременно

<sup>1</sup> Попова Т. Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса, 2019. С. 134.

<sup>2</sup> Мирский Э. М. Дисциплина научная // Новая философская энциклопедия. Москва, 2010. Т. 1. С. 672.

<sup>3</sup> См.: Князева Е. Н. Философия науки. Междисциплинарные стратегии исследований. Москва, 2019. С. 10.

<sup>4</sup> См.: Смелзер Н. Д. О компаративном анализе, междисциплинарности и интернационализации в социологии // Социологические исследования. 2004. № 11. С. 3–12.

в юриспруденции выделяются своеобразные «надстроечные» и стоящие над ориентированными на практику науки — история государства и права, философия права, энциклопедия права.

*Дисциплинарное деление науки в России* пришло с образованием Академии наук (1724 г.) и созданием Московского университета (1755 г.), в котором были учреждены «по юридическому факультету» три должности профессоров: «всей юриспруденции, который учить должен натуральные и народные права и узаконения Римской древней и новой империи», «юриспруденции российской, который сверх вышеписанных должен знать и обучать особливо внутренние государственные права» и «политики, которой должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время»<sup>1</sup>. Таким образом, возникает первое, пока еще достаточно общее дисциплинарное преподавание юридических дисциплин, которое уже начинает определять основные направления исследований в сфере юриспруденции. Одновременно следует учитывать и то, что приглашение для преподавания в Россию профессоров из европейских университетов привнесло в отечественное образование рецепцию зарубежного опыта подготовки юристов и распределения государственно-правовых дисциплин на предметной основе. В последующем университетские уставы (1804, 1835, 1863 и 1884 гг.) определили учебные дисциплины, и в целом развитие юридического образования стимулировало развитие юридической науки с ориентацией и того и другого на потребности Российского государства в развитии государственного управления и законодательства. В итоге к началу XX столетия сложилась система основных юридических наук и образовательных дисциплин, которая включала энциклопедию права, философию права, теорию права, историю права — российскую и зарубежную, историю политических учений, римское право, государственное право, гражданское право и гражданско-процессуальное право с судостроительством, уголовное и уголовно-процессуальное право с судостроительством, полицейское право, финансовое право, международное, церковное право. Тем самым дисциплинарность в юриспруденции стала основной формой организации исследований, преподавания и систематизации полученных знаний.

Обособление юридических наук повлекло и негативные тенденции в юриспруденции, связанные с их чрезмерной обособленностью. На это обращает внимание Г. Ф. Шершеневич, в начале XX века подчеркивая, что «все сильнее становится ощутительной разрозненность специальных наук в среде самого правоведения. Надо признаться, что теперь уже нет более юристов, а имеются только цивилисты, криминалисты, государствоведы, процессуалисты, канонисты. Все реже встречаются лица, способные составить себе имя не в одной, а в двух отраслях правоведения. При таком развитии специализации получается опасность для каждой юридической науки <...> в возрастающей ограниченности поля зрения на правовой порядок общежития и <...> в возрастающей ограниченности задачи изучения отдельных норм вне связи с оценкой общественного значения права. Разобщение юридических наук между собой отражается губительно на теоретическом и практическом правоведении. Какой интерес имеет изучение сменяющихся с большей или меньшей быстротой политических форм и юридических норм, когда для исследователя непонятно то постоянное, что скрывается под сменяющимися, та общественная цель, которой служат и служили нарождающиеся и отмирающие формы. Плоха юридическая практика, не подкрепленная теоретическим светом, как и безжизненная теория, не вытекающая из практики»<sup>2</sup>.

Характерно, что проблему междисциплинарности в российской юриспруденции еще в 1839 году обозначил российский правовед К. А. Неволин: «Все предметы нашего познания находятся в связи между собой и имеют известные точки, где они касаются друг друга. Поэтому, чтобы точнее определить предмет какой-нибудь науки, нужно обозначить эти точки, дабы ограничить его от смежных предметов и видеть, что он имеет общего с ними. Как один из смежных между собой предметов не может быть познан без другого и знание одного из них облегчает и делает для нас доступным познание другого, то науки, занимающиеся предметами, находящимися в ближайшей связи с главным изучаемым нами предметом, и потому способствующие нам в изучении нашей науки»<sup>3</sup>. Во второй половине XIX — начале XX века идея связи наук стала господствующей в научной деятельности, также сложился достаточно широкий круг междисциплинарных взаимодействий как между юридическими науками, так и с науками социально-гуманитарного профиля с выходом на новые смежные исследовательские пространства и науки — философия права, политика права, социология права и др.

<sup>1</sup> См. Зверев Н. А. Энциклопедия права. Москва, 1899. С. 413.

<sup>2</sup> Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. Москва, 1910. Вып. 1. С. 16.

<sup>3</sup> Неволин К. А. Энциклопедия законоведения. Киев, 1839. Т. 1. С. 165.

В советский период развития юриспруденции с ее включенностью в идеологические политические процессы строительства общественных наук на базе марксистско-ленинского (в 1930 — начале 1950-х годов — сталинского) идеократического понимания государства и права юридическая наука развивалась преимущественно на основе дисциплинарного подхода, хотя и выделялись новые научные дисциплины: трудовое право, земельное право, колхозное право и др. При этом возможности междисциплинарности были несколько ограничены, но и в этих условиях традиции взаимодействия наук с различной степенью проявления давали себя знать и вели к накоплению потенциала в этой сфере. К началу второй половины XX века в среде ученых-юристов сложился четко артикулированный взгляд на то, что прогресс юриспруденции невозможен без интеграции научных знаний как самой юридической науки, так в пространстве взаимодействия с другими науками социально-гуманитарного профиля.

В 1960–1980-е годы на пересечении наук в юриспруденции получают дальнейшее развитие и новое звучание такие направления науки и научные дисциплины, как уголовная политика, криминология, судебная статистика, земельное право и другие, а также обозначаются принципиально новые сферы исследований: правовая кибернетика и правовая информатика, юридическая антропология, юридическая лингвистика и др.

В 1990–2010-е годы в условиях коренного реформирования государственно-правовой системы России и отхода от моноидеологической основы марксистско-ленинского учения юридическая наука и образование в России накопили значительный объем разносторонних знаний, связанных с исследовательскими и образовательными практиками в юриспруденции, получивших оформление в многочисленных научных публикациях и широко представленных в учебной литературе. Междисциплинарность стала одним из трендов развития юриспруденции.

*Структура современной юридической науки* включает следующие группы дисциплин: 1) теоретические и исторические юридические науки: теория права и государства, история политических и правовых учений, всеобщая история права и государства, отечественная история права и государства и др.); 2) отраслевые юридические науки: конституционное право, административное право, гражданское право, гражданское процессуальное право, уголовное право, уголовно-процессуальное право, трудовое право, семейное право, предпринимательское право, сельскохозяйственное право, экологическое право, международное право и др.; 3) специальные юридические науки: криминология, правовая статистика, криминалистика, судебная медицина, судебная психиатрия и др. Каждая из них, как отмечает В. С. Нерсисянц, выступает как «отдельный элемент структуры юридической науки, относительно самостоятельное формообразование в общем процессе понятийно-правового изучения и выражения объективной действительности, специфически определенная часть теоретико-юридического познания и знания»<sup>1</sup>.

**Основные проблемы использования междисциплинарности в юриспруденции** связаны с входом в смежные пространства социально-гуманитарных наук. Здесь главными факторами являются необходимость дальнейшего развития юридической науки и повышения уровня новизны научных исследований с выходом на новые познавательные пространства или существенным расширением уже имеющихся знаний. Критерии современного научного исследования: новизна, методология, системность, доказательность, точность, проверяемость и другие — достаточно четко содержательно определены и не могут быть обеспечены лишь старым багажом знаний, что, соответственно, ведет к повторяемости «исследований» в лучшем случае с некоторым незначительным приростом, поэтому без взаимодействия наук объективно не обойтись. Между тем изучение публикаций показывает наличие достаточно высокой степени дисциплинарной разобщенности указанных сфер познания, что не способствует их развитию и, соответственно, более глубокому изучению и пониманию происходивших и происходящих процессов в различных сферах жизнедеятельности общества на «пограничных» предметных исследовательских пространствах различных наук. На это обращает внимание В. В. Лазарев, подчеркивая, что «юридическая наука постоянно должна обзирать свой собственный предмет и метод, разумеется, в системной связи с предметом и методом других наук, не в отрыве от них. Получивший в естественных науках признание принцип дополнительности предполагает трансдисциплинарные подходы, которые преодолевают узость отдельно взятых методологий, требуют синтеза разных эпистемологических парадигм»<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> Нерсисянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. Москва, 1999. С. 71.

<sup>2</sup> Лазарев В. В. Риски в юридической науке // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 25.

Особенно значимым в развитии междисциплинарности в юриспруденции является освоение методологии из сферы социально-гуманитарных наук. Взаимодействие с ними направлено на расширение содержательной направленности юридических исследований, выход за пределы преимущественного изучения государственных структур, органов управления и законодательства без обращения ко всей палитре возможных контекстов развития государственно-правовых явлений, институтов правового наследия и практик. На это справедливо обращает внимание Н. Н. Тарасов, отмечая, что «обращение к методологическим подходам, связанным с теми или иными метанаучными областями, это вопрос вовлечения в методологический арсенал юриспруденции тех или иных систем и схем научного мышления, обеспечивающих углубленное, всестороннее познание государства и права». Он особо оговаривает и то, что применительно к сфере юриспруденции в исследовательских практиках методологический подход должен быть обращен «к отдельным методологическим средствам или стратегическим контекстам» социально-гуманитарных наук в «форме восприятия освоения в юридическом исследовании элементов метода иных наук. При этом говорить о привлечении в юридическом исследовании таких элементов обоснованно только в том случае, когда они привлечены в рамках корректно реализованного подхода, а не случайным образом»<sup>1</sup>. Указанное, соответственно, требует и достаточно широких познаний в смежных с юриспруденцией областях социально-гуманитарного знания, понимания их познавательных и содержательных возможностей в изучении государственно-правовых явлений и институтов. В этих пограничных областях знания, на пресечении юридических наук и наук социогуманитаристики появляются новые научные направления и научные и образовательные дисциплины, выполняющие служебные функции изучения и адаптации знаний других наук для развития юриспруденции<sup>2</sup>.

Особо обратим внимание на то, что междисциплинарность в юриспруденции отнюдь не означает в методологическом плане уход от ее объектной направленности и предметной специфики. Соответственно, необходима юридизация методов, привлекаемых из других наук. На этом акцентирует внимание В. С. Нерсесянц, подчеркивая, что «юридизация методов означает юридико-понятийную трансформацию неюридических методов и дисциплин, их преобразование с определяющих позиций понятия права и их включение в новый познавательный-смысловой контекст предмета и метода юридической науки, а методы других наук могут и должны использоваться лишь как способы и приемы именно юридического познания, то есть как познавательные средства и компоненты самого юридического метода. Подобная юридизация методов других наук является необходимым требованием и условием методологической и предметной однородности и чистоты юридической науки»<sup>3</sup>, тем самым на уровне юриспруденции в целом, отдельных юридических и конкретных исследований осуществляются привязка и адаптация конкретных методологических инструментов из других наук к предметной изучению государства и права.

Ученый как главный актер междисциплинарности становится главной движущей силой в развитии междисциплинарных исследований, но и нередко является и главным тормозом в этих процессах. Здесь важно учитывать, что дисциплинарный тип мышления организует знания на уровне дисциплинарных картин мира — дисциплинарных онтологий, что позволяют перейти от общего мировоззрения к конкретно-дисциплинарному мировоззрению. При этом дисциплинарность не противоречит креативности, творческому мышлению как в рамках развития дисциплинарного знания, так и за его пределами в различных формах междисциплинарности. «Дисциплинарная зашоренность» это, скорее, не негативная сторона дисциплинарности, а характеристика конкретного учебного. Здесь важна образовательная составляющая в развитии междисциплинарности в юриспруденции, которая выступает в качестве одной из главных предпосылок развития исследований на уровне взаимодействия. Именно отсутствие достаточного уровня знакомства аспирантов, а порой и известных ученых с формами, методиками и технологиями проведения междисциплинарных исследований является одним из главных препятствий для выхода в общее пространство взаимодействия между различными областями научного знания.

Таким образом, междисциплинарный вектор исследований в современной юридической науке характеризуется достаточно четкой заданностью выхода в пространство взаимодействия

<sup>1</sup> Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. Екатеринбург, 2001. С. 47.

<sup>2</sup> См.: Кодан С. В. Служебные юридические дисциплины в структуре юриспруденции // Российский юридический журнал. 2020. № 4 С. 156–161.

<sup>3</sup> Нерсесянц В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. Москва, 1999. С. 76.

с различными науками неюридического профиля. Обозначенные проблемы затрагивают лишь отдельные вопросы таких взаимосвязанных явлений, как дисциплинарность и междисциплинарность. Их науковедческая проработка и обсуждение в научном юридическом сообществе являются предпосылками развития юридической науки.

**Кокотов Александр Николаевич**

доктор юридических наук, профессор,  
судья Конституционного Суда Российской Федерации

### **Рассмотрение Конституционным Судом Российской Федерации судебных дел как научно-практический дискурс**

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд) осуществляет конституционное правосудие в рамках устного и письменного производства посредством рассмотрения судебных дел. Такой порядок предназначен главным образом для выполнения им нормоконтрольных полномочий (толкование Конституции, проверка конституционности законов и иных правовых актов, внутрироссийских договоров, не вступивших в силу международных договоров, законопроектов, принятых, но еще не подписанных законов).

Устное производство осуществляется Конституционным Судом в заседаниях с проведением слушаний. Они включают, в частности, дебаты сторон. Письменное производство осуществляется в заседаниях без проведения слушаний. Названные заседания близки проводимым в устном производстве совещаниям судей по принятию итогового решения. В письменном производстве состояются не сами стороны непосредственно, а исходящие от них документы и иные материалы при их оценке судьями. Такое снижение уровня публичности и состязательности в письменном производстве обусловлено тем, что Конституционный Суд при рассмотрении конкретного дела считает, что оно может быть разрешено на основе имеющихся позиций, прежде всего сформулированных им ранее в ходе устного производства.

Однако не любое дело связано с разрешением спора. Он отсутствует, например, в делах о толковании Конституции, где есть инициатор разбирательства, но отсутствует вторая сторона. В таких делах при отсутствии состязания сторон уместно состязание разных идей, подходов, представляемых судьями, иными лицами. Этому способствует то, что процедура конституционного судопроизводства приближена к формату научной дискуссии.

Для совершенствования работы по рассмотрению конституционно-судебных дел полезен взгляд на нее как на особый дискурс. Под ним, в частности, понимают мышление в речевой деятельности, диалоге во всем многообразии их функций (дескриптивной, аргументативной, предписывающей, оценочной)<sup>1</sup>. Причем, определенное смысловое значение может иметь не только то, что проговорено, но и то, что не высказано или недосказано.

Данный подход предполагает рассмотрение конституционно-судебных дел в качестве мыслительной деятельности судей, других лиц, в том числе в разных формах общения (коммуникации) с целью выработки итоговых решений по соответствующим делам. Формы устного и письменного судопроизводства задают для этой деятельности ее внешние организационно-процессуальные рамки. Заявленный подход превращает рассмотрение конституционно-судебных дел в междисциплинарный объект исследования лингвистики, семиотики, социологии, психологии, риторики, эргономики, что способно дать значимый материал для собственно правоведческих исследований в этой области, а в конечном итоге — для конституционно-судебной практики.

Рассмотрение конституционно-судебных дел в его дискурсивном срезе предстает в качестве процесса познания и представления судьями, иными вовлеченными лицами для себя и других нормативного материала (проверяемого и эталонного), фактических, статистических и иных данных, отзывов органов власти, научно-практических суждений экспертов. В указанной деятельности востребованы имеющиеся знания по предмету, в том числе относимые к делу позиции Конституционного Суда, ранее использованные им схемы, приемы обоснования тех или иных выводов, а также профессиональный и жизненный опыт, установки судей и иных лиц. Следовательно, необходимо своевременное введение перечисленного в ценностно-познавательное пространство

---

<sup>1</sup> См., например: Кротков Е. А., Зуев К. А. Проблема типов научного дискурса // Гуманитарные науки. 2012. № 4. С. 17.